

Наталья Азарова, Кирилл Корчагин

Поэзия и деньги:

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ¹

Natalia Azarova, Kirill Korchagin

Poetry and Money: Economic Matters in the Newest Russian Poetry

Наталья Азарова (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания РАН; ведущий научный сотрудник; доктор филологических наук) natazarova@gmail.com.

Кирилл Корчагин (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания РАН; старший научный сотрудник; кандидат филологических наук) stivendedal@gmail.com.

Ключевые слова: современная поэзия, деньги, Борис Слуцкий, Алексей Парщиков, Иосиф Бродский, экономика, поэтический поджорпус НКРЯ

УДК: 82

В статье на широком материале русской поэзии XX—XXI века исследуются способы концептуализации лексем, связанные с экономической деятельностью, — прежде всего, слова *деньги*. В русской поэзии чередуются периоды, когда деньги во всех их возможных проявлениях выходят на передний план среди других поэтических реалий, и периоды, когда они уходят в тень; при этом можно говорить об отдельных авторах, для которых тема денег и их оборота была особо важна (это, прежде всего, Борис Слуцкий и во многом полемизирующий с ним Иосиф Бродский), а также о тех, для кого деньги и финансы стали темами программных произведений («Деньги» Алексея Парщикова). В употреблении «финансовой» лексики в русской поэзии XX века можно заметить ряд закономерностей, образующих особую, «поэтическую» экономику, имеющую во многом символический характер.

Natalia Azarova (Federal State Budgetary Scientific Institution The Institute of Linguistics of RAS; leading researcher; Dr. habil.) natazarova@gmail.com.

Kirill Korchagin (Federal State Budgetary Scientific Institution V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS; leading researcher / Federal State Budgetary Scientific Institution The Institute of Linguistics of RAS; leading researcher) stivendedal@gmail.com.

Key words: contemporary poetry, Boris Slutskiy, Alexey Parshchikov, Iosif Brodsky, economics, poetic corpus

UDC: 82

In the article, using a breadth of material from Russian poetry of the 19th—20th century, the means of the conceptualization of lexemes connected with economic activity are examined, the word “money” first and foremost. In Russian poetry, periods when money, in all of its possible permutations, comes to the forefront, and periods when it goes into the shadows; in addition, one can discuss individual authors for whom the theme of money and its circulation was especially important (first and foremost, Boris Slutsky and Joseph Brodsky, who polemiced with Slutsky to a great extent), as well as those for whom money and finances were the subjects of descriptive works (*Money*, Alexei Parshchikov). In the use of “financial” vocabulary in Russian 20th-century poetry, one can note a number of consistencies that form a special, “poetic” economics that has a largely symbolic character.

Акторно-сетевая теория утверждает, что объекты такие же законные действующие лица социальных отношений, как и люди. И к поэзии это имеет самое пря-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

мое отношение: деньги — главные действующие лица мира, лежащего за пределами поэзии. Поэзия, на первый взгляд, оберегает свои границы от вторжения этих мощных акторов, которые могут спутать поэтам все карты. Можно написать историю отношений поэта с деньгами — показать, как он подчинен тем связям, что формируют капиталы и ресурсы. Но можно поставить вопрос иначе: как сама поэзия осмысляет деньги? И что может это сказать о самой поэзии и о том мире, в котором живут поэты.

«Словарь языка русской поэзии XX века» фиксирует около пятидесяти случаев употребления слова «деньги», около двадцати—тридцати употреблений слов «монета», «рубль», «копейка» и «грош». Остальные слова, связанные с экономической деятельностью, используются и того реже. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), где поэзия второй половины XX века представлена более полно, дает 571 упоминание слова «деньги» на корпус приблизительно в 57 тысяч стихов, то есть в среднем деньги появляются в каждом 130-м стихотворении — не так часто. Примерно с такой же частотностью встречается слово «рубль», и сильно реже слово «копейка» — в каждом 450-м стихотворении. Для сравнения слово «любовь» употребляется в каждом девятом стихотворении, а «война» — в каждом тридцатом. Слова, связанные с экономикой, в русской поэзии XX века отнюдь не самые частые.

Хотя деньги за пределами литературы — одни из самых важных акторов, непосредственно влияющих на жизнь поэта, для поэзии они остаются абстракциями, причем чаще всего такими, от которых поэзия должна держаться подальше. У русской литературы нет своего Эзры Паунда, который бы сделал деньги центром поэтического мира, а тем более попытался рассмотреть через призму денежных отношений всю историю человечества. Причем для Паунда таковым центром были даже не деньги сами по себе, а долговые обязательства (он называл их латинским термином *usura*) как инструмент глобализации мира, построения *сети*, где человеческие и нечеловеческие акторы были бы связаны множеством взаимных отношений.

Для русских поэтов (и это остается верным для большинства из них) деньги — это материя непозитическая, и даже если не прямо «запретная», то, по крайней мере, не вызывающая большого интереса. В основном поэты делятся на тех, кто изредка упоминает деньги, и тех, кто почти никогда о них не вспоминает. Сознательно или нет, поэты ставят себя вне экономики (ср. строки Николая Асеева: *Еще за деньги люди держатся, / как за кресты держались люди*²). Когда деньги все-таки вторгаются в стихи, они часто предстают поэтизмами — например, абстрактными *монетами*, функция которых чисто символическая, не предполагающая обмена или других отношений — *купить* на такие монеты ничего нельзя. Иногда поэт ощущает недостаток смысла в таких поэтизмах и пытается дополнительно «оживить» их, как это делает Геннадий Айги в единственном своем стихотворении, где речь идет о деньгах: *Хватит, покружились мы здесь, / как звонкие монеты серебряные, / поклонимся, — согнемся пред вами, / как белые деньги бумажные.*

Обратимся к тем случаям, когда речь идет о реальных деньгах, а не об абстрактных монетах, связь которых с экономическими реалиями стерта и может

2 Здесь и далее все поэтические примеры приводятся по поэтическому корпусу Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), за исключением тех, что были предоставлены самим авторами в ответах на приведенный ниже опрос.

не ощущаться. Пожалуй, главная особенность поэтической экономики в том, что денег чаще всего *не хватает*. Эта нехватка может быть выражена прямо: *В квартире сыро. Денег нет. Беда* (И. Холин); *Хорошо заработать деньги. / Большущие!* (Б. Слуцкий); *одежка стала не по деньгам* (В. Кривулин); *Но денег в доме было мало, / точнее, не было совсем* (Ю. Карабчиевский); *Печали много, мало денег — / В иллюминаторе Батум...* (С. Гандлевский); *вчера был понедельник / сегодня вот среда / у меня нет денег / почти что никогда* (И. Ахметьев). Часто в поэзии кто-то покупает что-то на последние деньги: *Пошла, на последние деньги / Сиреневый тортик купила* (Д. Самойлов); или кому-то не хватает этих денег на покупку: *Фотографии стоили денег, / и по тем временам — больших* (Б. Слуцкий)³.

Настоящий гимн нехватке денег — поэзия Бориса Слуцкого (56 вхождений слов «деньги» и «рубль» — гораздо больше, чем у любого другого поэта в корпусе): *Были деньги нужны. / Сколько помню себя, / были деньги все время нужны*. Слуцкий — один из немногих поэтов, у которых денежные отношения играют центральную роль. Причем это именно отношения, а не упоминания об отдельных монетах или об общей нехватке денег. Нехватка у него не возникает сама собой: она — следствие конкретных исторических и социальных условий. О себе поэт пишет, что ему постоянно не хватало денег, притом меуарная литература изображает Слуцкого как человека щедрого, настаивающего на том, что нужно *материально* помогать младшим и более нуждающимся поэтам.

У Слуцкого деньги — это эквивалент справедливости, но эквивалент особого рода. Их нехватка связывает достойных людей, независимо от класса или социальной страты, к которым они принадлежат: *Интеллигенты получали столько же / И даже меньше хлеба и рублей / И вовсе не стояли у рулей*; или: *У пригласивших было мало денег, / и комнату нам сняли на двоих*. При этом героям Слуцкого не надо «лишних» денег — они готовы ограничиться минимумом: *Старуха говорит, что три рубля / за стирку — много*. И тем не менее никто из его героев не стремится к безденежью: деньги — это то, что заставляет людей вступать в отношения друг с другом.

Деньги здесь — это акторы, но совсем не такие, как, например, у Эзры Паунда. У Паунда крупные капиталы движут человеческими массами и приводят в движение силы истории, у Слуцкого они — своего рода проводники, которые обеспечивают повседневное взаимодействие; вплоть до того, что, если бы не деньги, герои этих стихов могли бы никогда не встретиться друг с другом:

Когда же денег было мало,
Старухи с правилами и моралью
И тоже — почти без всяких денег —
Сдавали углы своих комнат
С правом, сидя на углышке стула,
Писать и читать на углу стола.

3 Состояние *безденежья* при этом может восприниматься не только как беда или неудобство, но и как знак чистой жизни вдалеке от мира повседневных человеческих отношений: *Все под палубой тихо, а наверху — сон / В чистом безденежье нашем* (В. Аристов). У Владимира Аристова это превращается в жалость к деньгам: выражение «жалко денег» буквализируется — так, что сами деньги начинают вызывать жалость: *но объявилась откуда-то жалкость денег / и всеобнимающая жалость к деньгам*.

Когда Слуцкий пишет об успехе, то спорит с Маяковским, которому *ни рубля не накопили строчки*: для него деньги — это мерило поэтического успеха именно потому, что за ними стоят социальные отношения: *И мы снова даем уроки — / Все настойчивей и смелей. / И не стыдно нам брать за строки / По семи и больше рублей*. В каждой строчке «по семь и больше рублей» спрессовано множество человеческих отношений. Такие отношения формируют поэта — чтобы *научиться* поэзии, тоже нужны деньги, и хотя они могут быть небольшие, но часто последние: *Я на медные деньги учился стихам*.

Что происходит с деньгами у других поэтов? Откуда они берутся и что можно делать с ними? Всегда ли их не хватает? Исследование корпуса показывает, что деньги можно **одолжить** или **занять** (знак нехватки): *денег заняв у соседки / до границ доберется Китая / к Центру Мира согласно легенде* (В. Кривулин). Но одолженное, как правило, **не возвращают**: *только что начиналась складчина, / но даже денег не возвратят* (М. Айзенберг). Они могут появиться в силу чудесного **стечения обстоятельств**: *Деньги достались даром* (И. Холин); *когда я вхожу, все встают / и лезут ко мне обниматься, / целуют и деньги дают* (А. Еременко). Вплоть до того, что деньги (хотя и небольшие) можно **найти**: *Взять, допустим, червонец, валяющийся у помойки. — / Ведь сгодился бы, чтоб отнести и, пожалуй, на книжку / положить* (Н. Байтов).

Характерно, что деньги не зарабатывают, а **получают**: *Везло по мелочам, / и поздно или рано / то деньги получал, / то заживала рана* (Б. Слуцкий). Или даже **достают**: *Чтоб вновь я деньги доставал / И колесом скрипел* (Б. Слуцкий); *завтра деньги, где хочешь, достань* (Е. Шварц). Они **появляются**: *Так долго вместе прожили, что роз / семейство на обшарпанных обоях / сменилось целой рощей берез, / и деньги появились у обоих* (И. Бродский). Их может кто-то **перечислить**: *Спасибо, Парки, Провиденье, / ты, друг-издатель, / за перечисленные деньги* (И. Бродский). Наконец, их **дают**: *Мне дали денег на букет, / Но я проел их вмиг* (О. Григорьев). Или **берут**: *ты говоришь, что знаешь, откуда берут деньги* (А. Драгомощенко). Очень редко деньги **зарабатывают**, а если это все-таки случается, то в этом чувствуется неловкость: *Немного заработал денег / Пусть это прозвучит банально* (С. Литвак). Часто можно подумать, что получение денег — почти неприличный процесс: *Или вещи паковать? / Или спички покупать. / Или книжки продавать. / Или просто уставать. / Или не протестовать. / Или шубу пропивать. / Или деньги воровать* (Вс. Некрасов). **Продать** за деньги поэт, как правило, ничего не может, а если это происходит, то речь идет о чем-то абсурдном, шуточном: *Раз измучили мигрени / мою мудрую башку, / я продам ее за деньги / Мише Юппу — дураку* (Л. Аронзон).

Доставшиеся таким образом деньги **легко тратятся**, по сердечному порыву и часто на те вещи, без которых можно было бы обойтись: *То захвораю... Или денег нет. / А прошлым годом прогулял зарплату...* (Д. Самойлов); *Но деньги набраны. Хотя не в деньгах дело: / раздать, и выбросить, и сжечь, и проиграть...* (Ю. Карабчиевский); *деньги чаще летят на ветер* (И. Бродский); *Деньги проезжены в таксомоторе* (А. Еременко); *Были б деньги, купала бы одне / Я с духами махонькие скляницы* (М. Степанова). В поэзии редко **считают** деньги, а если это происходит, то, как правило, отражает их нехватку: *чиз-кейк с миндалем это вкусно и для богатых / 200 рублей лучше потратить на 4 чизбургера* (Р. Амелин).

Деньги можно не только тратить, но и хранить. Ожидаемо редко у поэтов деньги лежат **на счету**, даже сама идея кажется абсурдной — как, например, в примере из Байтова выше; хотя у поэтов, добившихся определенного социального положения, бывает и так: *Слишком поздно — даже слава, / Даже деньги на счету* (А. Межиров). Редко деньги **копят** или **экономят**: *Две копейки сэкономил, — / Только длинные гудки* (А. Межиров); *скорее наоборот: применяю старый метод — / не копить на черный день* (Б. Слуцкий). Надо сказать, что сами эти глаголы «копить» и «экономить» употребляются почти только у Слуцкого. Но зато деньги можно **прятать**: *Прячь деньги в воротнике / шубы или Смахни с рояля Бетховена и Петра Ильича, / отвинти третью ножку и обнаружишь деньги* (И. Бродский).

Характерно, что **покупают** на деньги тоже мало. Чаще всего это повседневные рутинные вещи, словно бы лишённые особого смысла и выстроенные в ряды перечислений: *покупать про запас галстуки, шляпы, брюки* (В. Блаженный); *На эти деньги покупаю / Вина, селедки, папирос* (Ю. Одарченко); *Пошел покупать / Съестное* (Е. Кропивницкий). Иногда покупают любовь, на которую у поэта, впрочем, часто тоже не хватает: *Вы за деньги продаетесь. / А денег у меня нет, / Так как бедный я поэт* (Е. Кропивницкий); *Денег нет у меня и нету знакомых красавиц / Чтоб мои деньги приняв приняли ласку мою* (И. Ахметьев). С другой стороны, деньги уплачивают в качестве **налогов**, и такого использования денег становится больше в эмигрантской поэзии: *Как плательщик большие налоги / не желает уплачивать в срок* (Б. Слуцкий); *Для себя пели. / Для себя копили. / Для других умирали. / Но сначала платили налоги* (И. Бродский); *налогом облагая известь сводов / и облака безбожно обоглав* (Г.-Д. Зингер).

Каковы деньги в качественном смысле? Это могут быть **бумажные** или **металлические** деньги. Если деньги **металлические**, то они **бренчат** или **звонят** — это одновременно и литературный образ, и еще одно напоминание о нехватке, ведь металлические деньги — мелкие, скорее всего **копейки**. Причем такой образ может встречаться у самых разных поэтов — и у официальных, и у неофициальных: *У всех в карманах / Деньги забренчали* (Н. Рубцов); *ножи звонят, как горстка мелких денег...* (И. Бродский); *Когда я вынул пятьдесят копеек, / Он вбил в мою подметку лишний гвоздь* (А. Межиров).

Если деньги **бумажные**, то они тоже часто **мелкие** и последние, но при этом могут быть предметом эстетического интереса: *на банкнотах не то Магомет, не то его горный пик* (И. Бродский); *На денежке Клара Шуман с породистыми глазами. / Купюра делает линии, как делает арбалет* (Н. Звягинцев). Если металлические деньги **звонят**, то бумажные **шелестят**. Этот шелест может напоминать о скоротечности времени: *шелест банкнот — оценить могут только те, / кто помнит, что завтра, в лучшем случае — послезавтра / все это кончится* (И. Бродский); *все / глушится то монет звоном / сладостным, то купюр шелестом* (М. Амелин). Шелестящие деньги можно **мусолить**: *шелестят, точно пальцы, мусоля банкноты, пальмы* (И. Бродский). Бумажные деньги часто бывают **мятые** (а следовательно, опять же, мелкие), причем мятыми оказываются именно российские купюры, а не деньги вообще: *И меняет мятые рубли / На хрустящие, как сахар, леи* (Б. Слуцкий). Кроме того, бумажные деньги можно **разменять**, но делают это поэты нечасто: *Разменяю свой неразменный рубль. / Зо-*

лотую рыбку в сметане съем (Б. Слуцкий); *И всем деревьям деньги разменяли* (А. Еременко).

Обратим внимание на метафору из последнего примера: листья дерева как множество мелких купюр. Бывает, что в поэзии деньги противопоставляются **дереву** — упоминание о бумажных купюрах возникает вместе с упоминанием дерева, из которого они сделаны. Это частая метафора у Бродского: *шелест вечнозеленых денег; Ропот листьев цвета денег; деревья как руки, оставшиеся от денег*. Но встречается она и у других поэтов: *Вон дерево мне денег не попросит, / Лишь тихо улыбнется мне в ответ. / И как листок, меня по ветру носит* (В. Кучерявкин). Это конфликт между миром абстрактных ценностей и зримой плотностью дерева: поэты могут подчеркивать этот конфликт (как Кучерявкин) или пытаться сгладить его (как Бродский).

Среди разных видов денег особняком стоит **1 рубль**. Он часто появляется как эквивалент наиболее употребительного изменяющего средства — водки. Затем, когда водка дорожает, поэты и герои их стихотворений начинают вспоминать, что некогда она была дешевле. Старейшая независимая литературная премия России, Премия Андрея Белого, неспроста в качестве своего призового фонда имеет 1 рубль и бутылку водки — это можно воспринимать как обнажение приема. Ср.: *Полтвяный гражданин с рублем наперевес* (Л. Чертков); *Стал Сережка пить. / И казенный рубль, / Что ему пропить!* (Е. Кропивницкий); *Где яйцо, там — сковородка. / Говорят, что скоро водка / снова будет по рублю. / Мам, я папу не люблю* (И. Бродский). Такие употребления в корпусе русской поэзии многочисленны.

Как мы видели на примере Бориса Слуцкого, поэты, которые стремятся к «тотальной» поэтике, — к созданию такого текста, который связывал бы единую самую далекие друг от друга аспекты реальности, — не могут пройти мимо темы денег. Но развитие этой темы часто связано с использованием характерных поэтизмов и стереотипов. Причиной ли тому традиционное безденежье поэтов или неразработанность темы денег в русской поэзии — неясно. В этом смысле характерны стихи Иосифа Бродского, у которого деньги тематизируются очень часто: *Всюду необходимы деньги*, как пишет он в одном из стихотворений, или: *В голове моей — только деньги*, — в другом.

У Бродского встречаются почти все типы употреблений слова «деньги», подчас сочетаясь друг с другом: *достань из чемодана пистолет, / достань и заложь его в ломбард. / Купи на эти деньги патефон*. Иногда это слово употребляется абстрактно, как знак полемики с литературной традицией, избежавшей прямо говорить о деньгах: *возвращайся с деньгами и славой*, но в то же время он избегает писать об абстрактных *монетах*, видя в деньгах не символ, а экономический инструмент.

Некоторые строки Бродского звучат как гимн деньгам: *Деньги прячутся в сейфах, в банках, / в полу, в чулках, в потолочных балках, / в несгораемых кассах, в почтовых бланках*. Поэт не только перечисляет места, но и заставляет читать глагол *прячутся* буквально, благодаря чему деньги превращаются в невидимые строительные блоки, из которых строится мир. Отсюда возникает и довольно специфичная полемика с марксизмом: *Маркс в производстве не вяжет лыка. / Труд не является товаром рынка. / Так говорить — оскорблять рабочих. / Труд — это цель бытия и форма. / Деньги — как бы его платформа*. Деньги здесь — это «платформа труда», а «труд — цель

и форма бытия», следовательно, «деньги — цель и форма бытия», хотя это и звучит довольно противоречиво.

Противоречия в описании денег у Бродского нередки: *Помрачнение шольских бульваров, когда, точно деньги во сне, / пропадают из глаз, возмущенно шуриша, миллиарды / и, как сдача, звезда дребезжит, серебрясь в желтизне / не от мира сего замусоленной ласточкой карты*. Здесь есть и миллиарды, и сдача — но какая сдача с миллиардов? И почему она дребезжит как мелочь? Эти противоречия показательны с точки зрения того, что именно значат деньги для поэзии вообще, не только для Бродского: поэты не имеют дела с большими суммами: очень большие деньги для них — это очень много мелочи, а не какая-то принципиально иная субстанция.

В то же время деньги у Бродского часто втянуты в криминальную активность: их и прячут, как правило, потому, что они «нечистые». Здесь появляются образы популярного кинематографа, отзвуки криминальных и детективных историй: *Тут даже гангстеры, одеты в кожу финскую, / вмиг расступаются, поблескивая фиксою, / и, точно вывернутый брюк карман — на деньги*. В то же время деньги у Бродского всегда слишком изменчивы, текучи, подвержены инфляции, он ностальгирует по «твердому курсу», который был до революции: *Вообще, не свергни мы царя / и твердые имей мы деньги, / дарили б мы по деревеньке / Четырнадцатого сентября*.

Несмотря на то что Бродский часто относится к деньгам надменно и с презрением (как и многие другие поэты), у него они все же включены в большой круговорот вещей и почти становятся полноценными актерами. Но у поэтов, находившихся в диалоге с Бродским, эта позиция нередко вульгаризируется — например, у Виталия Кальпиди, заимствующего у Бродского отдельные выражения, деньги (причем бумажные!) настолько же неприятны и чужды человеку, как насекомое: *Занудно, как рифмами Дельвиг, / из мусора русской души / шуришит насекомое денег / (пока еще только шуришит)*. Обладание деньгами этически сомнительно: *Тут что-то деньги делают в народе, / купив себе для этого народ*.

Можно сказать, что между двумя пониманиями денег — денег как повседневного, редко заслуживающего специального внимания предмета и денег как элемента сети, связывающей всех людей в мире, в русской поэзии существует разрыв. По-своему пытались заполнить этот разрыв Слуцкий и Бродский: для Слуцкого опорой в этом была марксистская теория денег, которую он, будучи убежденным коммунистом, штудировал в студенчестве, для Бродского — пример американских поэтов, прежде всего, Эзры Паунда, который в своем главном произведении «Cantos» стремился представить всю историю человеческой культуры через призму финансовых отношений. Процесс переосмысления денег как актора пошел дальше уже в следующем поэтическом поколении — у метареалистов, которые, видимо, впервые в русской поэзии попытались осмыслить *большие деньги* не просто как кучу *мелких денег*, но как одну из сил, управляющих миром, и силу самую мощную.

Рубежной в этом отношении была поэма Алексея Парщикова «Деньги» (1987): в ней присутствуют оба понимания денег — как мелкой наличности, которой всегда не хватает поэту, и как акторов, которые играют ведущую роль в устройстве мира. Первое понимание денег встречается в тех контекстах, которые характерны и для других поэтов: здесь и логика нехватки (*мою судьбу безденежную*), и деньги как бумажная мелочь, которую непременно мусолят

(*Ну что ты свой трояк так долго муссолини?*) и т.п. Второе понимание представлено развернутыми фантастическими картинками, своего рода визуализацией тех потоков, по которым движется мировой капитал. Субъект текста словно бы пытается преодолеть когнитивный разрыв между деньгами как мелкой наличностью и большими деньгами как сущностью принципиально иного порядка. Когда он «входит в купюру три рубля», воздух для него становится «шелестящ и многослоен», а мир предстает как совокупность денежных потоков:

Попал я денег изнутри
в текущую изнанку рынка.
Я там бродил по галерее
и видел президентов со спины
сидящих, черенков прямее,
глядящих из окон купюр своей страны.
Я видел, как легко они меняют
размеры мира от нулевой отметки.
И с точностью, что нас воспаляет,
они напряжены, как пуля в клетке.

Парщиков нащупывает ту разницу, которая ускользала от других поэтов, — между мелкой наличностью и крупными капиталами, но при этом новое поэтическое видение денег возникает у него лишь эпизодически, как мгновенное прозрение («фигура интуиции» — по его собственному выражению), после которого все снова возвращается к бумажным купюрам, мелкой наличности. Но за этими интуициями лежит желание осмыслить деньги как то, что движет миром. Если у Осипа Мандельштама, *все движется любовью*, то у Парщикова — деньгами:

История — мешок, в нем бездна денег.
Но есть история мешка.
Кто его стянет в узел? Кто наденет
на палку эти мощные века?

В финальной строфе текста это приводит к полемической перекличке со стихотворением «Нашедшему подкову» Мандельштама:

С одинаковой почестью лежат в земле,
Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы.
Время срезает меня, как монету,
И мне уж не хватает меня самого...

Монета здесь так же, как и любой другой предмет, подвергается деструкции в потоке времени, но все-таки сохраняется, пусть и в деформированном виде. Для Парщикова история мира — это история накопления, для Мандельштама — прерывистая история распада и смерти, от которой, впрочем, остаются следы — «срезанные монеты». По распространенному мнению, монеты срезались, чтобы заработать на разнице веса: в метафоре Мандельштама, таким образом, тоже подспудно заложена идея накопления — где-то в теневой зоне время продолжает копить деньги.

В завершение дадим слово поэтам, которые стали участниками специально подготовленного опроса, призванного выявить их отношение к деньгам⁴. Ответы в целом подтверждают выводы, сделанные на материале корпуса: есть поэты, которые вспоминают о деньгах, и те, которые не вспоминают; есть те, для которых деньги — это часть хотя бы личной экономики, и те, для которых это только поэтизм; наконец, есть такие, для кого деньги — это мелочь, и такие (хотя их совсем мало), для кого деньги — это движущая миром сила. Как показательно пишет одна из опрошенных поэтесс (Анастасия Романова): *Образ денег у меня в стихах либо социальный, либо мифологический, либо микс того и другого*. В целом это можно сказать и большинству других поэтов.

Опрос выглядел следующим образом:

1. Можете ли Вы найти у себя в стихах слово «деньги» или любые слова, которые с ними связаны: «монета», «мелочь», «рубли», «валюта», любые другие названия денег, «кредит», «налоги», что-нибудь еще?
2. Отличается ли Ваше отношение к деньгам от того, как это было 10/20/30 лет назад?
3. Способна ли поэзия, которая, разумеется, может писать, о чем хочет, говорить о деньгах и финансах не негативно?
4. Не вспомните ли какой-нибудь поэтический образ денег из прошлой поэзии (не обязательно русской)?

Полученные ответы оказывались в основном лаконичными, а примеры — редкими. Среди образов денег в прошлой поэзии чаще всего вспоминали «Скупого рыцаря» Пушкина или стихи Маяковского, иногда Бродского, а чаще всего — ничего. Видимо, многие из опрошенных поэтов никогда специально не задумались об этой теме. Показательны некоторые ответы на второй вопрос. Например, Дмитрий Веденяпин пишет: *«Отвечая на второй вопрос, могу сказать, что отличается, как у всех, вероятно, от отношения 30-летней давности. Тогда вопроса денег просто не существовало — жизнь была устроена и протекала как бы вне денег, помимо денег»*. Это было бы легко принять на веру, если бы корпус не показывал противоположное: деньги волновали поэтов хотя бы как то, чего не хватает: так, у самого Веденяпина встречается строка: *Ни славы, думал я, ни денег ни хрена....* Точно по этому поводу высказывается Николай Звягинцев: *«В этом смысле у нас очень бедная, даже ущербная в своей бедности поэзия. Или просто тотально инфантильная: деньги — “взрослое” зло»*. Действительно, когда поэты говорят о том, что им нужно **зарабатывать** деньги, это связывается с необходимостью взрослеть: *Потому что мы мужчины и пьем водку, / и зарабатываем деньги и видим, как наши / мамы стареют* (С. Тимофеев).

Отдельный сюжет в разговоре о деньгах — образ монеты как археологической находки, по которой можно отследить бег времени: *Звякнул дельфинчик о камень белых ступеней Тире* (А. Уланов; по словам самого поэта: «имеется

4 Опрошенные поэты: Михаил Айзенберг, Максим Амелин, Владимир Аристов, Иван Ахметьев, Николай Байтов, Александр Беляков, Сергей Бирюков, Дмитрий Веденяпин, Мария Галина, Дина Гатина, Анна Глазова, Татьяна Грауз, Дмитрий Григорьев, Фаина Гримберг, Ирина Ермакова, Сергей Завьялов, Николай Звягинцев, Гали-Дана Зингер, Виталий Кальпиди, Елена Кацюба, Константин Кедров, Илья Кукулин, Виталий Лехциер, Света Литвак, Лев Оборин, Андрей Полонский, Андрей Поляков, Анастасия Романова.

в виду монета этой древнегреческой колонии»); *Вертикальное пропитыванье светом / натолкнулось на упавшую монету: / все тебе предшествоует, блеск* (А. Порвин); *рядом сидит Мировая Душа / а время, как деньги, — и легкое, и дорогое / Подкинем монету — увидим, как время летит* (А. Поляков). Или в недавней поэме Сергея Завьялова «Квартет на тему Горация»: *В погребених 13 найден серебряный дирхем. / Надпись на аверсе: / Султан правосудный Гийас-ад-дин Мухаммед Узбек-Хан, да возвеличит Аллах победу его. / Надпись на реверсе: / Жизнь есть час: употребляй ее на дела благочестия*. С древними монетами связан и образ Харона, которому надо заплатить за проезд в страну мертвых, достаточно частый у авторов, увлекающихся мифологической тематикой: *лодочник культу протянет в направлении рубля* (О. Юрьев). Иногда эта связка со временем распространяется на деньги как таковые: *О великое передвижение времени в деньгах!* (А. Драгомощенко).

Андрей Сен-Сеньков в книге «Коленно-локтевой букет» строит цикл текстов на разглядывании старинных монет, как бы буквализируя старый поэтизм. Как пишет Александр Уланов: «Современные деньги — инструмент, на который надо затрачивать время, соизмеримое с его полезностью, древние деньги — один из следов жизни, к которой интересно подключиться». Андрей Тавров пишет: «Точно помню, что у меня есть монеты в связи с описанием смерти или посмертия — это медяки на глазах и драхма Харону». Монета может восприниматься и как минимальная единица стоимости, «мерило всего», как пишет в ответе на опрос Николай Звягинцев, но контексты этого чаще всего не подтверждают: монета для поэзии остается непроницаемой и загадочной сущностью, исключенной из отношений обмена — знаком протекающего времени.

За последние годы возник целый ряд новых экономических реалий, ставших повседневными, но довольно фрагментарно проникающих в поэзию. И хотя банковские карты почти вытеснили бумажные деньги, новейшая поэзия почти этого не замечает: *Что-то болит и тянет в районе кредитной карты* (В. Чепелев); *инфаркт вынесли, спеленали капустой, / обналичили перекрестились как на биеннале японского фотоискусства* (А. Романова). Мотив банковской карты может комбинироваться с другими, более старыми мотивами — бумажных денег, металлической мелочи, словно поэты побаиваются технических новшеств: *Бог слепыми руками шарит... ищет он картушку банкомата, / чтобы снять последние деньги, / на благотворительные нужды, разумеется, / а не тебе на бутылку. / Он рассыпает мелочь* (Д. Григорьев). Более того, карта нужна, чтобы деньги **обналичить** — то есть вернуться к более привычной бумажной мелочи.

При этом поэты стали брать **кредиты** и осмысливать кредит как основу отношений с миром: *Умом и сердцем человечим / раскинешь, — ужас холодит, / что нечем оправдаться, нечем / небесный оплатить кредит* (М. Амелин, который, отвечая на опрос, заметил, что «бухучет изучал и экономику в коммерческом колледже»); *Расскажите мне кредитную историю со счастливым концом, о том, как кто-нибудь вложил деньги / и получил благодарность в срок* (И. Кукулин); *где река лавирует через мосты / и течет в кредит* (Л. Оборин). В новой поэзии иногда отражаются колебания курсов валют, о которых часто идет речь в новостях (ср. с мечтой советской поэзии о «твердых» деньгах): *Доллар сегодня упал на одну из коек, / рубль сегодня вскопчил с головою болью* (В. Лехциер). На рубеже 1990—2000-х в поэзии ненадолго возникают так называемые у.е. (то есть «условные единицы», обычно равные

долларам) как симптом финансового кризиса: *манго стоит дешевле примерно на три у.е.* (В. Чепелев). Тем не менее все это остается отдельными приретами времени.

Иногда новые денежные реалии встраиваются в ряд перечислений — как у Валерия Нугатова: *у меня нет крутых знакомых у меня нет иностранных инвесторов у меня нет денег / у меня нет постоянной работы у меня нет стабильного заработка у меня нет сбережений / у меня нет кредитной карточки у меня нет счета в банке у меня нет депозита.* Нугатов — один из редких поэтов, который сознательно работает с финансовой темой. У него в стихах встречаются перечисления различных биржевых индексов, а вся финансовая терминология употребляется корректно. Для него вторжение мира финансов в жизнь поэта — символ его поэтического поколения: *потому что я рупор моего поколения / я / глашатай и соглядатай его абсолютной / несостоятельности / я свидетель его полной неплатежеспособности <...> я провозглашаю: / да здравствует поколение налогоплательщиков.* Характерно, что безденежье старших поэтов сменяется здесь неплатежеспособностью: если первое подразумевало чистоту, невовлеченность в экономические отношения, то второе — знак неудачного существования *внутри* экономики.

Есть и такие поэты, которые любят новые, еще не полностью обжитые русским языком слова, а следовательно, порой прибегают к финансовой терминологии, где таких слов особенно много: *Пополняй современности / ипотеку ерундистикой, / накопльями пустяковин: / купчими суверенности / и аккредитивами задора. / Современность тебя вряд ли / сделает ликвидным* (Д. Голышко). Они пишут даже о криптовалютах, пробуя на ощупь метафорический потенциал связанных с ними слов и выражений: *Стоишь стыдливо но еще спокойно / себе назначив божий поцелуй / коробка ждет падения биткойна / но ты ее разочаруй* (Л. Оборин).

Тем не менее попытки представить деньги как движущую силу глобального мира в поэзии после метареалистов достаточно редки. Даже у такого видного их последователя, как Андрей Тавров, поклонника Эзры Паунда, стремящегося к тотальной поэтике, где были бы объединены все возможные культурные контексты, деньги практически отсутствуют. Сам он пишет о своем отношении к деньгам так: «Мое отношение менялось. Сейчас я воспринимаю деньги не как зло, а как энергию и средство выражения любви и заботы. Правда, деятельность, например, банков, на мой взгляд, деструктивна». При этом при в ответе на последний вопрос он вспоминает о знаменитой «узуре» Паунда.

В плане отношения поэтов к деньгам показателен ответ Олега Юрьева:

Я несколько экстремальный случай — я закончил Финансово-экономический институт в Ленинграде и деньги для меня скучная тема скучного обучения. Я столько в своей жизни сдал политэкономии (в двух институтах капитализма два раза, социализма — полтора), что никакого образа у меня не возникает, только формулы (Т — Д — Т и другие, гораздо сложнее). Большинство людей, думаю, слишком тяжело зависят от денег каждый день, чтобы их действительно любить. А без любви стихов не бывает. Или без ненависти (но это редко — именно по неощущаемости, условности самого фетиша).

С другой стороны, некоторые поэты осознают, что за темой денег скрываются большие возможности для описания мира, но сами не приступают к ней. Так, Сергей Завьялов пишет:

Мое отношение к деньгам изменилось радикально приблизительно 10 лет назад (когда мне было около 50 лет). Это связано с моим осознанием того, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Если раньше деньги были для меня чем-то или лежащим в кошельке (на карте), или в нем (на ней) отсутствующим, то теперь они превратились в нечто, подлежащее осмыслению и оценке в контексте миропорядка.

Подведем итоги. Деньги в русской поэзии с середины XX века и до настоящего времени занимают амбивалентное место: с одной стороны, многие поэты избегают говорить о деньгах в контексте экономических отношений, но упоминают деньги как специфический поэтизм (вроде слова *монета*) или как материальный объект, с которым можно производить разные манипуляции (звенеть железными деньгами, мусолить бумажные). С другой, если деньги в такой поэзии все-таки возникают, то с ними всегда связана нехватка: поэты или те, о ком они пишут, почти всегда испытывают недостаток денег. Появляются новые финансовые реалии, но поэзия либо запаздывает их отражать, либо фиксирует их скорее из любви к новым словам, чем в попытке объяснить остающиеся смутными области бытия. При этом, как правило, отсутствует представление, что большие деньги — не то же самое, что много мелких.

На этом фоне существуют поэты, которые стремятся понять функцию денег более объемно — как часть экономических отношений, а следовательно, как то, что связывает людей, предопределяет их поступки и заставляет их контактировать друг с другом. Деньги у таких поэтов стремятся стать полноценными актерами — такими же, как и люди. Но таких поэтов в русской поэзии немного. Наиболее систематически это делали Борис Слуцкий, Иосиф Бродский и Алексей Парщиков, отдельные новейшие поэты также движутся в этом направлении (например, Валерий Нугатов или Дмитрий Гольинко). Тем не менее у русской поэзии пока нет своего Эзры Паунда, для которого экономика сделалась бы основным предметом размышлений — единственным материалом, достойным современного эпоса. Возможно, такого поэта стоит ждать в младшем поэтическом поколении, но говорить об этом пока преждевременно.